

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

УДК [81'367:811.161.1]:[94+008] «10/16»

На правах рукописи

СМАГУЛОВА АСЕЛЬ БЕЙСЕНБЕКОВНА

**Культурно-историческая коннотация
фразеологизмов эпохи великорусской народности
(на материале «Словаря русского языка XI-XVII вв.»)**

10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Гайнуллина Н.И.

Республика Казахстан
Алматы, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Обозначения и сокращения	3
Введение	5
1 Культурно-историческая коннотация в семантике русских фразеологизмов эпохи зрелого Средневековья	21
1.1 Идеографическая классификация фразеологизмов эпохи зрелого Средневековья и место в ней терминологических фразообразований.....	21
1.2 Картина мира в зеркале идеографического поля фразеологического фонда русского Средневековья.....	47
1.3 Концептосфера средневековой Руси во фразеологической системе русского языка.....	64
1.3.1 Лингвокультурный концепт как единица исследования.....	64
1.3.2 Культурно-историческая коннотация сквозь призму концептуального анализа ФЕ позднего Средневековья.....	72
1.3.3 Концептуальное пространство средневековой фразеологической системы.....	75
1.3.3.1 Концепт «душа».....	75
1.3.3.2 Концепт «смерть».....	81
1.3.3.3 Концепт «слово».....	85
Выводы к разделу 1	92
2 Образно-мотивационная основа культурно-исторических коннотаций фразеологии позднего Средневековья	94
2.1 К вопросу об образности / безобразности фразеологизмов и механизме ее создания.....	94
2.2 Культурно-историческая коннотация фразеологизмов, построенных на метонимическом образе.....	100
2.3 Культурно-историческая коннотация фразеологизмов, построенных на символической составляющей.....	120
2.4 Культурно-историческая коннотация фразеологизмов, построенных на метафорическом образе.....	133
Выводы к разделу 2.....	155
Заключение	157
Список использованных источников	160

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность избранной темы определяется назревшей необходимостью включения проблем исследования диахронической фразеологии в общий контекст таких основных подходов, определившихся в современном языкознании, как лингвокультурологический, идеографический, антропоцентрический, этнолингвистический и т.п., с позиций которых изучение фразеологического фонда эпохи Московского государства (XV-XVII вв.) не проводилось либо рассматривалось фрагментарно. Что касается лингвокультурологического аспекта фразеологического запаса русского языка и его выявления в диахронии, то с относительной определенностью он эксплицировался и актуализировался с опорой на современные методики подобных описаний лишь в последнее десятилетие XX века. Именно поэтому он требует своего дальнейшего углубленного изучения, поскольку фразеологический фонд выступает наиболее богатным материалом, обладающим способностью к накоплению внеязыковой информации, представляющей безусловную ценность для демонстрации фактов национальной культуры и национальной картины мира, сложение которых происходило в условиях динамического развития как истории народа, так и его языка.

Формирование в конце XX века в гуманитарных науках новой, антропоцентрической парадигмы, сменившей онтологоцентрическую, определило характерную особенность современной лингвистики – ее направленность на познание человека, систему его ценностей, особенностей его мировидения, мироощущения и мировосприятия через язык. В центре внимания ученых не случайно все чаще оказываются вопросы, связанные с выявлением культурно-национального своеобразия того или иного народа, языковых стереотипов, языковой картины мира, с реконструкцией языкового сознания народа, его культурно-антропологического портрета в зеркале истории языка. Задачей многих работ последних десятилетий (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В.Н. Телия, В.В. Колесов, Т.И. Вендина и др.) является поиск путей, ведущих к человеку через его язык, определение роли языка в создании духовной культуры и выявление места духовной культуры в формировании языка, так как «именно в языке как действительности нашего духа, как лике созидающей энергии культуры и выражаются в наиболее обнаженном виде специфические черты национальной ментальности, ее конечные запросы, ее творческий заряд» [1, с.132]; «деятельность языка служит наиболее чистой мерой внутренней гармонии человеческого духа, его подлинной жизни» [2, с.21].

Приоритетной, по заявлению ЮНЕСКО, является в наши дни программа «Язык в контексте культуры». В последние годы лингвистика как чисто филологическая наука, а также как практика преподавания живых национальных языков наполняется лингвокультурным содержанием, «становится гуманитарной наукой в этимологическом значении этого слова, то есть «человековедением» [1, с.133]. Наполнение лингвистического образования

культурологическим содержанием сочетается с лингвоцентризмом в современной научной парадигме, поэтому языковые факты все активнее вовлекаются в круг базовых данных для культурологической интерпретации. Язык выступает как важнейший источник сведений об этнокультуре. «Освоение заложенного в национальных языках этнокультурного кода должно стать новым словом гуманитарных наук в осмыслении проблем национального самосознания и реальных смыслов национальной культуры, духовных интенций развития общества» [1, с.133].

Исследование фундаментальной проблемы «язык и культура» имеет давнюю традицию в русской и зарубежной философии языка. У ее истоков стояли такие известные лингвофилософы, как В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр, А.А. Потебня, Э. Бенвенист, Ф. Боас, Э. Сепир, Б. Уорф, К. Леви-Стросс, Р. Барт и др. Новый импульс разработка данного вопроса получила в последнее десятилетие XX века в связи с обострением интереса к феномену культуры как системе национальных ценностей и языку как отражению системы ценностей народа, а также в связи с возросшим национальным самосознанием этносов, пытающихся осмыслить свое место в истории человечества и свою роль в межкультурной и межъязыковой коммуникации в мировом сообществе. К тому же «проблема «язык и культура» приобретает приоритетное значение в эпоху осязаемого духовного кризиса, сопровождающегося обострением национального самосознания» [3, с.9].

Как известно, исследования по данной проблематике ведутся сейчас в различных направлениях, основными из которых являются лингвокультурология, этнолингвистика, лингвострановедение, когнитивная лингвистика, этнопсихология, этнопедагогика, психоллингвистика; направления с использованием синхронного и, в меньшей степени, диахронного аспектов описания языка; с привлечением разного рода материала (фразеологических единиц, паремий, метафор, клише, глубинной семантики слова через его концептуальный анализ, ассоциативных полей, стереотипов языкового сознания, поверий, мифов, заклинаний, образов-эталонов, сравнений, слов-символов, слов-реалий и т. д.), что делает любое обращение к фразеологии и ее специфике, особенно в диахронии, исключительно *актуальным*.

Уже бесспорным является факт, что национально-культурная самобытность того или иного народа получает наиболее яркое и непосредственное проявление во фразеологии. Этнокультурная маркированность фразеологических оборотов очень высока. Они особенно ярко отражают в своих многочисленных образах уклад жизни, особенности обрядов, стиль поведения, нравственные нормы, национальное самосознание, механизмы мышления, доминантные ценности общества.

Фразеология, являющаяся одним из достаточно исследованных лингвистических разделов, долгое время была ориентирована на рассмотрение структурно-семантических особенностей фразеологических единиц (В.В. Виноградов, Н.М. Шанский, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.М. Бабкин, В.Л. Архангельский, М.М. Копыленко, З.Д. Попова и др.) и на их функционально-

речевое употребление (М.М. Болдырева, А.Г. Ломов, В.Н. Вакуров, А.М. Мелерович и др.). На современном этапе отмечается заметное оживление исследований фразеологии с целью выявления и познания через нее культуры народа, подтверждающих наличие культурных следов в значении фразеологизмов. Работы в указанном направлении сводятся к обнаружению в составе ФЕ специфических для национального языка наименований и строевых элементов, либо к этимологическим комментариям значения фразеологизмов (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.М. Мокиенко, Д.Г. Мальцева и некоторые др.). Подробно основные этапы становления фразеологии как науки рассмотрены в докторской диссертации Е.А. Малиновского «Формирование русской фразеологической теории и фразеографии» (Алматы, 1995), где лингвокультурологический аспект изучения фразеологии к середине 90-х гг. автором еще не отмечен.

Новейшие публикации посвящены культурной семантике фразеологических единиц разных типов, в них освещаются методологические вопросы исследования устойчивых сочетаний, методы анализа и приемы описания культурно-значимых смыслов во фразеологизмах, особенности их функционирования в роли культурных знаков, рассматриваемых на современном и историческом материале в ареале разных типов культур (В.Н. Телия, Д.О. Добровольский, Т.З. Черданцева, М.Л. Ковшова). Следует, однако, заметить, что это всего лишь предварительные шаги к методологическому обоснованию принципов анализа, к описанию методов выявления и способов, средств воплощения «языка» культуры в содержании и форме фразеологических единиц [4, с.13]. Иначе говоря, методологический аспект в выявлении культурно-значимых смыслов во фразеологической семантике находится лишь на начальной стадии своей разработки и в дальнейшем требует более тщательного исследования.

Целью работы - выявить культурно-исторические коннотации в русских фразеологических единицах и описать их с учетом конкретных условий формирования фразеологического фонда русского языка эпохи великорусской народности.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач**.

1) На основе сплошной выборки из Словаря русского языка XI-XVII вв. (далее СлРЯ XI-XVII вв.) определить фонд фразеологических единиц, широкое функционирование которых связано с эпохой великорусской народности.

2) Дать идеографическую классификацию фразеологических единиц позднего Средневековья с использованием теории семантического поля, доказав реальность существования особого фразеологического субуровня в форме фразеосемантических полей как реакции на экстралингвистические изменения в жизни средневековой Руси XV-XVII вв.

3) Установить наличие аксиологической составляющей во фразеологической картине мира позднего Средневековья.

4) Выявить влияние экстралингвистической ситуации в эпоху Московского государства на формирование фразеологического фонда исследуемого синхронного среза.

5) Установить место и роль лингвокультурологического компонента во фразеологическом составе русского языка эпохи Средневековья, в связи с чем:

а) определить ценностные концепты, их культурно-значимые смыслы, формирующие семантику фразеологических единиц и составляющие своеобразную концептосферу Средневековья;

б) выявить и описать образно-мотивационные основы средневековой русской фразеологии;

в) установить роль различных тропов (прежде всего - метафоры, метонимии, символа) в формировании фразеологических единиц русского языка и их культурно-коннотативного компонента в диахронии;

г) определить лингвокультурологический потенциал безобразных фразеологизмов.

б) Установить основные сферы средневековой культуры, нашедшие отражение в семантике фразеологизмов в виде культурно-исторических коннотаций.

Материалом для изучения послужили фразеологические единицы в количестве 2347, отобранные путем сплошной выборки из СлРЯ XI-XVII вв. (Вып. 1-26). Издание периодическое, тем не менее, доведенное до буквы С включительно, оно охватывает большую часть русского лексикона XI-XVII вв. в целом и фразеофонда в частности, что делает этот фактический материал значимым и авторитетным для получения достоверных результатов и выводов.

Объектом исследования выступают фразеологические единицы, относящиеся к эпохе великорусской народности (XV-XVII вв.).

Предмет исследования составляет лингвокультурологическая информация, содержащаяся в виде культурно-исторических коннотаций в семантике и структуре фразеологических единиц XV-XVII вв.

Методологическая основа и методы исследования. Методологической базой настоящего исследования является общефилософское теоретическое положение о социальной природе языка, о взаимосвязи языка и мышления, понимание языка как средства трансляции культуры в пространстве и времени, как системы, в которой отражаются история, культура, быт и нравы народа, его психологические воззрения. В связи с этим в работе использованы следующие методы и приемы изучения и описания фразеологических единиц: диахронический метод; описательный метод с элементами компонентного анализа; метод концептуально-идеографических характеристик фразеологических единиц; метод культурно-исторической интерпретации, общенаучный метод наблюдения, которые в совокупности дают возможность выявить культурную коннотацию в семантике указанных фразеологизмов; а также ряд сопутствующих, но важных для изучения фразеологического фонда Средневековья таких приемов, как прием сплошной выборки фактического материала, позволяющий относительно полно представить состав русских фразеологических единиц эпохи Средневековья; прием классификации, помогающий определить идеографическую направленность фразеологизмов; статистический прием, способствующий установлению количественных

характеристик фразеологических единиц разных идеографических полей и вытекающую из этого их значимость и место.

Научная новизна работы заключается в том, что исследование выполнено в русле нового лингвокультурологического подхода к диахроническому анализу ФЕ, определившегося лишь в последнее десятилетие XX века; кроме того, описание фразеологического состава русского языка позднего Средневековья, которому уделялось недостаточное внимание в исторической русистике, впервые стало предметом специального изучения как важного этапа, определившего последующее развитие фразеологической системы русского языка в современном его состоянии. Такому пониманию роли позднего Средневековья в формировании фразеологического фонда русского языка современности способствует новый для диахронических исследований, идеографический, подход к описанию ФЕ эпохи великорусской народности, углубляющий в теоретическом отношении методику изучения данного субуровня русского языка.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что она вносит определенный вклад в теорию и практику исследования русской диахронической фразеологии в лингвокультурологическом и идеографическом аспектах на примере фразеологического фонда эпохи великорусской народности, уточняет пути становления, развития и дальнейшего формирования фразеологического фонда эпохи зрелого Средневековья и русского фразеологического фонда в целом.

Теоретической базой для интерпретации фактического материала исследования послужила новая концепция значения фразеологических единиц, рассматривающая их в роли культурных знаков, изложенная в трудах В.Н. Телии, Д.О. Добровольского, Т.З. Черданцевой, Н.И. Толстого, В.М. Мокиенко, а также в работах известных современных лингвофилологов В.В. Колесова, Т.А. Лисицыной, А.Я. Гуревича, исследующих философию русского слова с привлечением данных и синхронии, и диахронии.

Прежде чем перейти непосредственно к изучению поставленной проблемы, кратко остановимся на истории вопроса (уделяя особое внимание истории становления диахронической фразеологии, фразеографии), которая поможет понять и аргументированно воспринять последующий аспект нашего исследования фразеологических единиц позднего Средневековья (эпоха великорусской народности), а также на основных понятиях, представленных в работе в виде ключевых терминов, используемых как рабочий метаязык исследования.

Фразеология как особая отрасль языкознания в процессе исторического развития пережила ряд существенных изменений. Истоки ее научного описания относятся к XVIII веку. В работах XVIII в. – первой половины XIX в. преобладают разрозненные наблюдения, попутные замечания и отсутствует теоретическая интерпретация фразеологических явлений русского языка. Исследователи (М.В. Ломоносов, А.Х. Востоков, И.И. Давыдов) в этот период акцентируют внимание на таких главных признаках ФЕ, как смысловое

единство составляющих, целостность, переносное значение слов, употребляющихся в их составе.

В середине - второй половине XIX века появляются уже первые наблюдения в сфере исторической фразеологии русского языка. На основе изучения объемного фразеологического материала древнерусского и современного русского языка Ф.И. Буслаев, А.А. Барсов, А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов, И.И. Срезневский, П.А. Лавровский и др. установили ряд аспектов исследования ФЕ – семантический, синтаксический, этимологический, выделили разряды ФЕ, определили связь между ФЕ древнерусского и современного русского языка. В этот период в лингвистической литературе сформировался терминологический аппарат описания фразеологии, а в 1844 г. Ф.И. Буслаев вводит и сам термин «фразеология», объединяющий устойчивые сочетания слов и переменные словосочетания с образной метафорической основой. В трудах лингвистов 2-ой половины XIX века (прежде всего И.И. Срезневского) появляются начальные дефиниции ФЕ, указываются ее важнейшие отличительные признаки, изучается процесс перехода одних «словесных произведений» в другие, более краткие, семантически целостные речения – пословицы, поговорки, собственно ФЕ (А.А. Потебня). Большая роль в возникновении ФЕ отводится образности, хотя не исключается возможность возникновения ФЕ из сочетаний, лишенных какой-либо образности. Были предприняты попытки определить среду, в которой традиционно возникают ФЕ русского языка (А.А. Потебня). Характерная особенность трудов этого исторического отрезка – широкий взгляд на объект фразеологии: к ФЕ относятся собственно ФЕ, выражения со структурой предложения, образования, состоящие из служебного и полнозначного слова, составные номинативные единицы, тавтологические обороты, составные термины.

В начале XX в. в русском языкознании сложились фразеологические концепции (А.А. Шахматов, А.И. Томсон, И.А. Бодуэн де Куртенэ, С.И. Булич и др.), что привело к выделению учения о ФЕ в самостоятельную лингвистическую область. Изучение проблем русской фразеологии в этот период осуществлялось с разных позиций: со структурной точки зрения, в собственно синтаксическом аспекте или ФЕ анализировались лексически.

В 20-е – 40-е годы XX в. проблематика фразеологии была весьма разнообразна. Исследованию подвергались такие вопросы, как предмет фразеологии, выделение ее в самостоятельную область языкознания, место фразеологии в кругу языковедческих дисциплин, лингвистический статус ФЕ, их семантика и структура, функции в языке художественных произведений. Были заложены основы новой области фразеологии – фразеологической стилистики (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, А.И. Ефимов). Особое внимание уделялось социологической стороне изучения языка: фразеологический состав предлагалось анализировать в зависимости от исторических изменений, происходящих в жизни общества. Ученые подчеркивали, что при исследовании процесса формирования ФЕ важно обращать внимание на экстралингвистические факторы (Г.К. Данилов, Е.Д. Поливанов, В.Г. Винокур).

50-е – 60-е годы XX в. представляют наиболее значительный период в истории формирования фразеологической мысли. Окончательно формируется концепция В.В. Виноградова, обосновавшего основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины [5, с.118-192]. К школе В.В. Виноградова причисляли себя: Н.М. Шанский, В.Л. Архангельский, В.П. Жуков, Д.Н. Шмелев, Л.И. Ройзензон, А.М. Бабкин, А.И. Молотков, А.В. Кунин, Н.Н. Амосов, М.М. Копыленко, З.Д. Попова и др. Основной задачей представители этой школы считали выявление объема ФЕ, определение лексико-синтаксических свойств ФЕ в отличие от слов и переменных сочетаний слов, рассмотрение различных категориальных признаков ФЕ. Выделение и классификация единиц фразеологии осуществлялось на структурно-семантической основе. В.Н. Телия этот период в развитии фразеологии, период непосредственной разработки наследия В.В. Виноградова (1940-60-е гг.), назвала «классическим» [6, с.54]. В эти же годы получила дальнейшее развитие и историческая фразеология, в том числе и фразеологическая этимология в трудах В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, Н.М. Шанского, В.П. Адриановой-Перетц, И.И. Чернышевой, М.М. Копыленко, К.В. Горшковой, Г.С. Селиванова и др.

С середины 70-х – начала 80-х гг. во фразеологии (и в целом в лингвистике) увеличивается внимание к динамике языковой системы и осознается кризис структурно-семантической парадигмы, так как системно-классификационный подход, как считают многие аналитики в русском языкознании, исчерпал себя. Это время характеризуется стремлением фразеологов рассмотреть свой материал в его функционально-речевом употреблении, использовать во фразеологии методы, описывающие лексическое и семантическое начало в их взаимодействии в ходе организации высказывания и текста, вниманием к компонентному составу значения ФЕ, особенно к тем из них, которые связаны с прагматическим аспектом значения, а в этой связи - и к той роли, которую играет в компонентном составе фразеологизмов их образное основание как исходное для значения фразеологической номинации и как ядро их функционирования в речи. Исследование способа организации внутренней формы – ее тропеических оснований – одна из характерных примет данного этапа развития фразеологии. Подобные исследования положили начало изучению национального своеобразия ФЕ, связанного, прежде всего, с особенностями самих образов, выраженных в «буквальном значении» идиом (В.М. Мокиенко, Т.З. Черданцева, Ю.П. Солодуб). В указанный период была выявлена вся палитра значения фразеологизмов-идиом – его «объективное содержание» и вся гамма оценочно-экспрессивных оттенков; пересмотрена концепция В.В. Виноградова, в которой проблемы фразеологии не исследовались применительно к речевой деятельности. Теоретическое осмысление этих вопросов способствовало, с одной стороны, углубленному изучению фразеологического материала по таким направлениям, как диалектная фразеология, сравнительно-историческая и сопоставительная фразеология, фразеологическая этимология (В.М. Глухов, Н.И. Толстой, М.М.

Копыленко, З.Д. Попова, В.Г. Гак, В.М. Мокиенко и др.), фразеологическая стилистика (М.М. Болдырева, А.Г. Ломов, В.Н. Вакуров и др.), историография фразеологии (А.М. Бушуй, Е.А. Малиновский), с другой стороны – появлению новых аспектов исследования ФЕ, возникновению новых ответвлений фразеологии, таких, как фразообразование (Ю.А. Гвоздарев, А.М. Бушуй, Р.Н. Попов и др.), фразеография (А.М. Бабкин, А.В. Кунин, А.И. Молотков и др.), прагматика фразеологии. Этот период также характеризуется дальнейшим развитием диахронической фразеологии. Продолжаются наблюдения над материалом древнерусского языка (С.С. Волкова, Г.С. Селиванова, А.Г. Ломова, Л.Я. Костючук, В.П. Фелициной, В.Л. Смирнова, А.К. Каиржанова) и языка XVIII-XIX вв. (А.И. Федорова, Г.Ф. Палевской, Ф.Г. Гусейнова, З.Д. Поповой, В.М. Филипповой). Фразеология в этот период, который В.Н. Телия называет «постклассическим», остается в стороне от антропологической парадигмы. Завершение его связано с осознанием того, что классификационно-системный подход к изучению фразеологического состава языка исчерпал себя и что изоляция фразеологии от других лингвистических дисциплин сужает ее теоретическое пространство [6, с.55].

1990-е гг., как отмечает современная научная историография, в целом характеризуются переходом от имманентной лингвистики к лингвистике антропологической, цель которой, как мы уже подчеркивали, – изучение языка в тесной связи с его носителем. По мнению С.Г. Воркачева, на место господствующей сциентистской, системно-структурной и статической парадигмы приходит парадигма антропоцентрическая, функциональная, когнитивная и динамическая, возратившая человеку статус «меры всех вещей» и вернувшая его в центр мироздания [7, с.64]. Как можно заметить на основе изученных работ последнего десятилетия по проблемам фразеологии, воссоединение с этой парадигмой во фразеологических исследованиях началось с интереса к номинативным закономерностям формирования идиом, которые самым непосредственным образом связаны с изучением их коммуникативного предназначения, а тем самым – со всей палитрой информации, несомой ФЕ, начиная от объективного содержания, пресуппозиций ФЕ и ассоциативно-образного восприятия и кончая всеми типами отношений субъекта к обозначаемому – оценочным, эмотивным, культурно-национальным, а также отношения к социальным условиям речи. В настоящее время пристальное внимание во фразеологических исследованиях уделяется таким проблемам, как условия референции, прагматические функции фразеологического знака, когнитивное содержание субъективных аспектов в значении идиом, роль ФЕ в высказывании, речевом акте, текстообразующие потенции; особое внимание уделяется также национально-культурной специфике ФЕ, описанию свойств ФЕ-идиом как «языка культуры». Таким образом, коммуникативный анализ идиом, связанный с выявлением всех типов информации, заложенных в них, – составляет суть современных фразеологических исследований.

Одним из типов такой информации является информация о культурно-национальной рефлексии субъекта или, иначе, «культурной коннотации» в значении ФЕ, представляющей для нас наибольший интерес.

Одной из самых разработанных и убедительных концепций по этому вопросу представляется нам концепция В.Н. Телии, изложенная в книге «Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты», где рассматриваются ФЕ как знаки, обладающие своей особой природой [6]. Автор исследует знаковую природу ФЕ, тесно связанную со всей палитрой информации, содержащейся в идиомах. Знаковую специфичность ФЕ В.Н. Телия усматривает в том, что «они представляют собой микротексты, в номинативное основание которых втягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные во фразеологизмах в виде «свертки», готовой к употреблению как текст в тексте» [6, с.8]. Денотативный аспект значения такого микротекста формирует его «тему». К «реме» же, по образному выражению исследователя, относится «весь кортеж коннотативных аспектов значения»: информация об отношении субъекта речи к «теме», то есть о его эмпатии, связанной с пресуппозициями дискурса, в который включается фразеологизм; о рационально-оценочном отношении к самому обозначаемому, сигнализирующему о ценностной ориентации субъекта речи; об эмоционально-оценочном (эмотивном) отношении, свидетельствующем о психологическом восприятии субъектом образного аналога обозначаемого; о культурно-национальной рефлексии субъекта, сознательно или «на уровне» бессознательного соотносящего образное содержание ФЕ с эталонами и стереотипами национально-культурного мировидения; об осознании тех условий речи, в которых уместно или же не уместно использовать ФЕ [6, с.8-9].

Особое внимание в работе уделено культурно-национальной специфике ФЕ, анализу культурной коннотации как способа воплощения культуры в языковом знаке. В.Н. Телия выдвигает гипотезу, связанную с технологией выражения культурной коннотации в содержании языкового знака; указывает источники культурно значимой интерпретации фразеологизмов, формулирует основные принципы концептуально-идеографического анализа культурной специфики ФЕ. Такого глубокого, последовательного и актуального подхода к анализу культурно-национальной специфики ФЕ в науке еще не наблюдалось, что явилось причиной нашего выбора именно данной концепции в качестве базиса настоящего исследования фразеологического фонда русского языка прошлых эпох (в частности эпохи великорусской народности), которое в исторической фразеологической науке не предпринималось.

Основу метаязыка данной работы составляют базовые понятия лингвокультурологии – «культурная коннотация» и «культура». Рассмотрим их содержание.

Понятие коннотации (от лат. *connotatio*, от *connoto* – добавляю значение, созначения) – «одно из наиболее диффузных лингвистических концептов» [8, с.3], который «остаётся пока ещё недостаточно определённым теоретически»

[9, с.32]. Какова природа коннотации, элементом какого вида языковой деятельности она является – номинативной, системно-таксономической, или коммуникативной, текстообразующей, или же стилистической – прагмариторической, в каких языковых сущностях и в какой форме коннотация локализуется, какую информацию выражает и т. п. – все эти вопросы еще ждут своего решения. Представляется возможным, на наш взгляд, предположить синтез указанных мотивов и условий формирования коннотации, в том числе и во ФЕ, что и будет нами учитываться в дальнейшем описании материала.

Отвлекаясь от исследований коннотации в других науках, следует заметить, что в последнее время ее сфера собственно в лингвистике сильно расширилась: «выйдя далеко за пределы экспрессивно-оценочно-стилистических рамок, в которых она начинала свое существование, она захватила уже социально-политические, морально-этические, этнографические и культурологические понятия, так или иначе отражающиеся в языке» [10, с.71]. В настоящее время в лингвистике существует широкое и узкое понимание коннотации. В широком смысле коннотация – это любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (денотативное) содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию. При таком подходе коннотация соотносится с обиходно-бытовым опытом, культурно-национальным знанием говорящих на данном языке, с их мировидением и выражает ценностно-рациональное или эмоциональное по характеру отношение говорящего к обозначаемому или отношению к стилистической форме речи. В узком смысле коннотация – это такой компонент значения языковой единицы, который дополняет ее объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования. [11, с.193]. В целом, коннотация рассматривается как языковая универсалия, формы проявления которой зависят от значимых единиц, от правил их комбинаторики и принципов организации текста, а содержание – от типа отношения к обозначаемому (оценочного, эмотивного, стилистического), а также от культурно-национального мировидения народа, говорящего на данном языке (в этом случае содержанием коннотации является интерпретация обозначаемого в категориях культуры).

В соответствии с задачами, поставленными в исследовании, нас интересует та сторона содержания понятия коннотации, которая соотносится с культурно-национальным знанием, мировидением народа. В современных исследованиях и настоящей работе используется термин «культурная коннотация», предложенный В.Н. Телией [6, с.214]. Под культурной коннотацией понимается «в самом общем виде интерпретация денотативного или образно-мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» [6, с.214]. «Применительно к единицам фразеологического состава языка как знакам вторичной номинации, характерной чертой которых является образно-ситуативная мотивированность, которая напрямую связана с мировидением народа – носителя языка, стредостением культурной коннотации, ее основным нервом является это образное основание» [6, с.214].

Помимо термина «культурная коннотация» в лингвистике существуют и другие термины, близкие к нему, в которые разными исследователями вкладывается различное содержание и различное понимание. Так, например, Ю.П. Солодуб вводит термин «этнокультурный компонент» [12, с.45], входящий в состав структуры фразеологического значения (далее ФЗ) и включающий в себя специфику национального восприятия, а также конструкты национального самосознания (джин, русалка, тролль). Этот компонент, по мнению исследователя, является факультативным для ФЗ, а ведущим – коннотативный. Э.Т. Мукушева оперирует термином «национально-культурный компонент (элемент)» для анализа характера и способа модификации информации национально-культурной направленности в структуре и содержании ФЕ, под которым имеет в виду элементы плана содержания, отражающие те или иные явления культуры народа [13, с.5]. Н.Г. Комлев полагает, что национально-культурный компонент – это часть семантики слова, связанная с национальной культурой: «слова языка как социального явления несут на себе отпечаток жизни общества, его материальной и духовной культуры. Это «культурное значение» и есть часть слова» [14, с.86]. Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, стоявшие у истоков лингвострановедения, указывали: «национально-культурная семантика языка – содержание, не имеющее строгого, реляционного, системного, относительного характера и в той или иной мере восходящее к особенностям экономики, географии, общественного устройства, фольклора, литературы, всех видов искусства, науки, к подробностям быта, обычаям народа» [15, с.78]; в это определение большей частью вкладывается лингвострановедческая трактовка понятия национально-культурного компонента. В.М. Огольцев в связи с этим заключает: «строго говоря, собственно лингвистический и культурный компоненты в плане содержания устойчивых сочетаний в принципе неразделимы» [16, с.87]. Л.В. Измайлова считает, что «национально-культурный компонент – это те ассоциативные исторические, бытовые, эмоционально-экспрессивные и т. д. созначения (коннотации), которые формируются в семантике ФЕ как отражение национального самосознания и духовного мира определенной нации. Следовательно, национально-культурный компонент представляет собой коннотацию языкового знака и находит свое выражение в коннотативных семах, которые заключают в себе национальную специфику единицы» [17, с.91].

Если обобщить имеющиеся представления о сути содержательной стороны ключевого понятия, используемого в нашей работе, то можно сказать, что в термин «национально-культурный компонент» значения вкладывается следующее понимание данного лингвистического явления: лингвострановедческое, связанное с экстралингвистическими факторами, и собственно культурологическое, связанное со спецификой национального восприятия, материальной и духовной культуры народа, национальным самосознанием и духовным миром определённой нации. Подобного понимания данного термина мы будем придерживаться в своей работе.

Таким образом, способами указания на культурно-национальную специфику ФЕ является их культурная коннотация, предполагающая нахождение и описание национально-культурного компонента.

Другое базовое понятие предлагаемого исследования – понятие «культура», поэтому мы считаем необходимым хотя бы в самых общих чертах остановиться на его содержании и определить, что будет пониматься под ним. Рассмотрим определения данного понятия, предложенные В.В. Колесовым, В.Н. Телией, А. Тэнасе как наиболее отвечающие задачам нашего исследования, ибо в этих дефинициях понятие «культура» рассматривается в интересующем нас аспекте.

Понятие «культура» - одно из наиболее сложных и трудно определяемых. На разных этапах развития философской мысли «культура» определялась с различных, зачастую противоположных позиций. Этим объясняется существование множества дефиниций данного термина. Отсутствие единого понимания «культуры» как таковой обусловлено и сложностью, многогранностью самого явления. В свете современной научной парадигмы наиболее привлекательными, дающими широкую перспективу для дальнейших исследований, представляются концепции культуры как производного от деятельности человека и культуры как системы высших ценностей человека (Э. Маркарян, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин, М.С. Каган и М. Хайдеггер, М. Вебер, Г. Риккерт) [18, с.7-8]. При деятельностной трактовке культура понимается как четвертая форма бытия помимо трех других: природы, общества, человека. Она включает в себя человека как субъекта деятельности, способы его деятельности, все многообразие предметов (материальных и духовных), охваченных этой деятельностью. Способ присвоения материально-духовного отличается национальной спецификой, отражая активную деятельностную реакцию на мир того или иного народа. Национальные культуры, считают исследователи, отличаются не тем, что присваиваем, а тем, каким способом мы осуществляем это присвоение. При второй трактовке культура понимается как система ценностей и идей, складывающаяся в ходе исторического развития народа и обусловленная его духовно-психическим складом.

В.Н. Телия в определение культуры включает мировидение и миропонимание, обладающие семиотической природой. Культура, - считает она, - равно как и язык, - это формы сознания, отображающие мировоззрение человека. Культура в таком понимании предполагает семиотическую ее природу и представляет знак, в котором отражаются процесс и продукт самосознания человека, нацеленный на установление идентичности субъекта культуры с тем, что выделено в культуре как мерило собственно человеческого в деятельности, то есть как оценки ее окультуренной ценности. Культурные же ценности – это смыслы ее собственных категорий и установок, которые могут быть представлены в виде ментальных моделей [6, с.224]. Наиболее точно, на наш взгляд, определяет культуру В.В. Колесов, связавший ее со стилем жизни и типом мышления: «Культура триединая как традиция, как система ценностей и как модели поведения», «культура восходит к культу, то есть представляет собой духовную ипостась человеческих ценностей» [19, с.181].

Румынский ученый А. Тэнасе называет три социальных явления, которые необходимо принимать во внимание для получения более полного представления о культуре [20, с.7]: а) сам человек, производящий и осваивающий культурные ценности. Так как тип творческой личности зависит от характера общества, от исторических условий и, особенно, от взаимодействия личности и общества, то обязателен исторический подход к пониманию и характеристике человека как субъекта культурного процесса любого исторического периода; б) культурные ценности, включающие в себя ценности познавательные, художественные, нравственные, явления мифологические, религиозные. Исторический взгляд на культуру неизбежно поднимает теоретическую проблему взаимодействия религии и культуры, проблему оценки содержания и знания религиозных явлений в истории мировой культуры, и, добавим, отраженных в языке; в) механизм духовного производства, определяющий ценности культуры, а также процессы освоения данных ценностей, то есть их создания, распределения в данном обществе.

С учетом разных сторон проявления культуры, данным термином в настоящей работе обозначается, во-первых, система высших ценностей человека, его идеи, обусловленные духовно-психическим складом; во-вторых, мировидение и миропонимание народа; в-третьих, мировоззрение человека как продукт его самосознания; в-четвертых, определенный тип мышления. В целом, культура понимается как духовная ипостась человеческих ценностей.

В связи с тем, что в работе анализируется обширный фразеологический фонд отрезка XV-XVII вв. считаем необходимым указать, что понималось нами под термином «фразеологизм», несмотря на то, что при отборе языкового материала мы руководствовались условными обозначениями, которыми в СлРЯ XI-XVII вв. снабжены ФЕ, то есть опирались на результаты исследования составителей словаря, которыми уже определен статус устойчивых словосочетаний. Рассмотрение истории становления фразеологии как научной дисциплины показало, что в русском языкознании в 40-50 годы окончательно оформляются два подхода к объему фразеологии – широкий и узкий. Сторонники первого подхода (которого придерживаемся и мы в работе) включают в ее корпус, наряду с собственно ФЕ, и выражения со структурой предложения, образования, состоящие из служебного и полнозначного слова, составные номинативные единицы, тавтологические обороты, составные термины; сторонники же второго - относят к ней лишь идиомы. При этом обращает внимание то, что широкое понимание границ фразеологии явилось характерной особенностью трудов 2-ой пол. XIX в., содержащих первые наблюдения в сфере исторической фразеологии русского языка (Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Потебня, Н.В. Крушевский). И это не случайно. С диахронической точки зрения средневековая фразеология занимает весьма своеобразное (промежуточное) положение в структуре старорусского языка, одинаково тяготея и к лексике, и к синтаксису. Эту особенность мы объясняем спецификой развития русского литературного языка от начала письменности, которой было свойственно формульное построение текста, когда синкретичная

семантика древнерусского слова, как правило, эксплицировалась рядом с другим словом, в контексте. В дальнейшем возникавшие таким образом формулы либо разрушались на следующих этапах истории русского языка в результате автономизации, вычленения самостоятельных лексических значений, порождавших многозначность слова, либо окончательно превращались в устойчивые сочетания слов, образуя ФЕ как самостоятельный номинативный факт языка. Не случайно фразеосистема исследуемого периода эпохи великорусской народности очень сложно поддается четкой внутренней классификации, ибо в одних случаях ФЕ *уже* стали достоянием именно этого субуровня, другие же *еще* находились в стадии формирования в структуре формул как рефлексия на предшествующие особенности в развитии словарного состава русского языка древнерусского периода. Этим фактом и обусловлена количественная представленность фразеоединиц исследуемого периода, являющаяся как раз отражением данной особенности в историческом развитии фразеологической системы русского языка – от формул к семантической неразложимости, слитности в пределах словосочетания.

В данной работе в связи со сказанным фразеология понимается с точки зрения широкого подхода, а для ФЕ диахронического плана характерны такие важнейшие отличительные признаки, как образность/безобразность, переносное значение слов (или одного из компонентов), употребляющихся в их составе, различная степень устойчивости сочетаний слов в пределах фразеологизма, их вариативность, смысловое единство и воспроизводимость как целостной языковой единицы. В качестве дополнительных признаков выступают эмоциональность, оценочность, экспрессивность.

Остальные ключевые понятия, связанные с темой исследования, определяются в соответствующих местах диссертационной работы при описании конкретных аспектов исследования.

Одним из главных аспектов рассмотрения семантики фразеологизмов в данном диссертационном исследовании является лингвокультурологическая семантика, связанная с толкованием культурных особенностей народа, культуuroобразующих концептов, интерпретацией семантических явлений, направленной не на абстрактное понимание смысла, а на культурный феномен, который существует в человеке и для человека (в частности, русского человека конкретной эпохи – эпохи великорусской народности), так как культурологическая проблематика стала рассматриваться не как пограничная для задач лингвистической семантики, а как имеющая к ней прямое отношение.

Практическая ценность работы состоит в том, что она дает в существенной степени новый материал для чтения курсов истории русского литературного языка, лингвокультурологии, социолингвистики с элементами истории языка, этнолингвистики в высших учебных заведениях, а также для проведения спецкурса по истории становления фразеологической системы русского языка и влияния на эти процессы такого важного и значимого фактора, как культура русского народа на этапе его превращения в нацию. Кроме того, результаты исследования и фактический материал диссертации

можно использовать при организации факультативных занятий по русскому языку в средних учебных заведениях и специализированных школах с углубленным изучением русского языка; фактические данные диссертации и их описательная, интерпретационная сторона могут быть использованы при составлении нового типа словаря – исторического идеографического словаря великорусских фразеологизмов.

Положения, выносимые на защиту:

1. С диахронической точки зрения средневековая фразеология представляет собой переходный этап формирования номинативных средств русского языка, когда древнерусские формулы, в пределах которых синкретичная семантика слова получала свою определенность при экспликации в тексте, еще до конца не разрушены, а фразеологизм как структурно более сложная, чем слово, но семантически единая языковая единица еще не сформировался. Превращение его в устойчивое воспроизводимое номинативное средство-фразеологизм - результат длительного исторического развития.

2. Экспликация культурно-исторических коннотаций в диахронической фразеологии с помощью идеографической классификации фразеологических единиц позволяет обнаружить объективно существовавшую картину мира средневекового человека, репрезентированную в языке в виде фразеологической картины мира (ФКМ), и выявить в ней центральные и периферийные фразеосемантические поля, объединенные по типу соотношения макро- и микромоделей. Важнейшие из них в системе старорусского (великорусского) языка оказались соотнесенными с двумя ключевыми концептами - *человек* (духовный и социальный) и *Бог*. Система знаний об окружающем мире (образов, представлений, верований, предрассудков и т.п.), сложившаяся вокруг данных ключевых русских концептов на базе коннотативных смыслов ФЕ, становится источником обогащения и дальнейшего развития литературного языка в исторической перспективе.

3. Проникновение в образ мышления великорусского народа, в его способ видения мира, а значит, и обнаружение культурно-исторических коннотаций возможно только при познании плана содержания языка, функционирующего в определенных конкретно-исторических условиях. Глубинное знакомство с семантикой великорусского языка предполагает овладение языковой картиной мира именно русского языка *этого* периода как отраженной системой видения мира его носителем, во многом обусловленной таким наиболее репрезентативным и информативным субуровнем, как лексико-фразеологический. По отношению к истории русского литературного языка правомерно выделять специфическую микромодель в составе макромоделей языковой картины мира – фразеологическую картину мира (ФКМ), определяемую как фрагмент языковой системы, вербализованный в форме устойчивых сочетаний и представленный совокупностью ФЕ русского языка конкретного отрезка его истории, в частности позднего Средневековья.

4. В эпоху Московского государства (XIV-XVII вв.), в отличие от предшествующего (древнерусского) периода (XI-XIV вв.), произошла

существенная переориентация в путях формирования фразеолофонда в сторону таких светских сфер средневековой культуры, как юридическая, экономическая и иные социальные сферы, связанные с идеей государственного строительства в новых культурно-исторических условиях, а также область зарождавшейся многоаспектной науки. В рамках этих лингвокультурологических сфер определился процесс активного формирования огромного массива терминологии как специфической области русского языка, аккумулировавшей в своей семантике новые реалии культурно-исторического характера.

5. Культурно-исторические коннотации во ФЕ выявляются не только через языковую семантику, но и через культурно-маркированные концепты, отсылка к которым во многих случаях содержится в самой внутренней форме ФЕ; это дает основания утверждать, что своими концептами обладают не только лексические, но и ФЕ, в совокупности образующие концептосферу (или концептуальное пространство) фразеологической системы великорусского языка, ядерную ее зону составили, наряду с концептами *человек* и *Бог*, такие базовые, ключевые концепты, как *душа*, *смерть*, *слово*, на осмысление которых в исследуемый период существенно повлияли как языческое (мифологическое, славянское), так и христианское начала.

6. Формированию и развитию культурно-исторического потенциала заложенных в ФЕ коннотаций в эпоху великорусской народности существенно способствовала их образно-мотивационная основа, представленная в таких тропах, как метонимия, метафора и перифраз, в меньшей степени – символ, сравнение. Для современного исследователя они выступают способом извлечения культурных знаний, содержащихся в устойчивых сочетаниях основной части русского фразеолофонда в ретроспекции.

Апробация работы. Основные положения диссертации апробированы в виде докладов на научно-методическом семинаре кафедры общего и русского языкознания КарГУ им. Е.А. Букетова (Караганда, 2005), кафедры русской филологии КазНУ им. аль-Фараби (Алматы, 2006), Международной научной конференции «Теоретические и методологические аспекты языкознания», посвященной 60-летию проф. Л.К. Жаналиной (Алматы, 2004), Международной научно-практической конференции «Мир языка», посвященной 85-летию проф. М.М. Копыленко (Алматы, 2005), Международной научно-теоретической конференции «Язык и идентичность» (Алматы, 2006), Республиканской научно-практической конференции «Проблемы лингвистики начала XXI века» (Караганда, 2004), Региональных научно-теоретических студенческих конференциях (Караганда, КарГУ, февраль 2001; май 2001; КарГТУ, май 2001; Алматы, КазНУ им. аль-Фараби, апрель 2002); в виде четырех тезисов докладов, изданных в сборниках, вышедших в КарГТУ, КазНПУ, КазУМО и МЯ, КазНУ.

Структура диссертации. Работа выполнена на 155 страницах и состоит из списка сокращений и обозначений, введения, двух разделов, заключения и списка использованных источников.

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук. Т.1-4.

Ав. Кн. бес. – Аввакум. Книга бесед.

Ав. Ж. – Житие протопopa Аввакума, им самим написанное.

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.1-5.

А. Кир. – Б. мон. – Акты Кириллова Белозерского монастыря XVI-XVII вв.

Алф. – Алфавит сказующий толкование иностранных речей обретаемых во святых книгах русского языка и муций начало от аза.

АМГ – Акты Московского государства. Т.1-3.

АРГ – Акты Российского государства.

АХУ – Акты Холмогорской и Устюжской епархий.

АЮ – Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства.

АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т.1-3.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти тт. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – Т.3: Г-Е. – 1340 с.

Библ. Генн. – Книги ветхого и нового завета. Писаны в 1499 г. в Новгороде, при дворе архиепископа Геннадия.

БФ – библейская фразеология.

Вкл. Ант. – Вкладные книги Антониева Сийского монастыря 1576-1694 гг.

ВМЧ – Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митр. Макарием.

Воскр. лет. – Летопись по Воскресенскому списку.

Всевол. ч. – Слово об обретении мощей в. кн. Всеволода-Гавриила Псковского и чудеса, составленные Василием в сер. XVI в.

ВФ – внутренняя форма.

Гр. Новг. и Псков. – Грамоты Великого Новгорода и Пскова.

Гр. Сиб. Милл. – Миллер Г.Ф. История Сибири.

Г. Фирсов – Сочинения Соловецкого инока Герасима Фирсова.

ДАИ – Дополнения к Актам историческим, созданные и изданные Археографической комиссией. Т.1-12.

Д. съезж. дв. – Объезжие головы и полицейские дела в Москве кон. XVII в.

Дух. гр. – Духовная грамота.

Ж. Авр. Чух. – Житие Авраамия Чухломского, XV в.

Ж. Адр. П. – Житие и подвиги игумена Адриана Пошехонского и старца Леонида Пошехонского, XVI-XVII вв.

Ж. Серг. Радон. Епиф. – Житие Сергия Радонежского, написанное Епифанием Премудрым.

Ж. Стеф. Перм. Епиф. – Житие святого Стефана Пермского, написанное Епифанием Премудрым.

Изм. – Измарагд, XIV-XV вв.

Ипат. лет. – Ипатьевская летопись.

- ИП – идеографическое поле.
Ист. семи мудр. – История семи мудрецов. Вып.1-2.
КМ – картина мира.
Крым. д. – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т.1-2. С 1474 по 1521 гг.
ЛСВ – лексико-семантический вариант.
ЛСГ – лексико-семантическая группа.
МАС – Словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1999. – Т.1: А-Й. – 696 с.
МДБП – Московская деловая и бытовая письменность XVII в.
Муч. Гр. Болг. – Мучение св. Георгия Нового, 1539 г.
Палея Толк. – Толковая Палея, 1477 г. Воспроизведение Синодальной рукописи.
Патерик Печ. – Патерик Киевского Печерского монастыря.
Пах. Ж. Кир. Б. – Житие Кирилла Белозерского, составленное Пахомием Логофетом, XV в.
Пис. к Никону – Письма (царя Алексея Михайловича) к Никону, 1652 г.
Писц. д. – Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т.1-2.
Польск. д. – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т.1-3.
Псков. лет. – Псковские летописи. Вып. 1-2.
СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. Ч.1-5.
СДЯ XI-XIV вв. – Словарь древнерусского языка XI-XIV вв.: в 10-ти тт. – М.: Русский язык, 1990. – Т. 3. – 256 с.
СлРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-26. – М.: Сов. энциклопедия, 1975-2002.
СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. – СПб.: Наука, 1992. – Вып. 7: Д-З. – 263 с.
СП – семантическое поле.
СУ – Толковый словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Наука, 1978. – Т.1: А-К. - 1562 с.
Суд. Ив. III – Судебник 1497 г.
СО-III – Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 943 с.
Синодик Ниж. Печ. м. – Синодик Нижегородского Печерского монастыря,
Сл. и д. – Слово и дело государевы (процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г.). Т.1-2.
ФЕ – фразеологическая единица.
ФКМ – фразеологическая картина мира.
ФСГ – фразеосемантическая группа.
ФСП – фразеосемантическое поле.
ЯКМ – языковая картина мира.

1 КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОННОТАЦИЯ В СЕМАНТИКЕ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ЭПОХИ ЗРЕЛОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1.1 Идеографическая классификация фразеологизмов эпохи зрелого Средневековья и место в ней терминологических фразообразований

Фразеология позднего Средневековья наиболее полно, зримо и четко выявляет свою специфическую семантическую и когнитивную природу на фоне идеографического ее представления, ибо не всякая существующая классификация языковых единиц (в том числе и фразеологизмов) способна дать подобное глубинное представление о ФЕ как объекте изучения.

Вопрос о классификации устойчивых сочетаний слов нельзя считать окончательно решенным, несмотря на большое количество работ по этой проблеме. Смена научных парадигм в лингвистике привела к новому взгляду и на фразеологию в целом, включая вопрос о классификации ее единиц, к которому следует подходить с точки зрения новой, динамической парадигмы знания, так как классификация устойчивых сочетаний, осуществляемая на структурно-семантической основе, уже не отвечает тем задачам, которые поставлены в рамках антропоцентрической парадигмы, а именно познанию человека, системы его ценностей, особенностей его мировидения, культуры через язык.

На наш взгляд, имеющие место в науке и отвечавшие запросам времени классификации ФЕ, в основе которых лежит структурно-семантический принцип, а также классификации по стилистической окраске, в меньшей мере способствуют выявлению культурно-антропологического «портрета» народа в зеркале языка и уже не являются актуальными.

В соответствии с поставленными в работе задачами мы считаем необходимым опираться на классификацию, которая имеет идеографическую, или тематическую ориентацию. Основанием предлагаемой классификации служит денотативный аспект значения, а точнее – «его категоризирующий макрокомпонент, соотносимый с типовым представлением и обеспечивающий модельную изоморфность значения тому, на что это значение способно указывать» [6, с.157]. Исходя из сказанного, одним из способов систематизации фразеологического состава языка является, на наш взгляд, идеографическое поле, базирующееся на внеязыковом содержании устойчивых оборотов. Обращение именно к этой классификации вызвано тем, что, во-первых, классификации по тематическим микросистемам показывают круг наиболее существенных в жизни данного народа понятий, по ассоциациям с которыми формируется обозначение абстрактных образов, психологических, эмоциональных, интеллектуальных состояний, манеры поведения и прочее; во-вторых, с точки зрения идеографического описания языка (ономасиологического), то есть в направлении от заданного смысла (содержания) к средствам его выражения, языковые единицы можно представить в виде системы взаимодействующих семантических полей, которые образуют сложную и специфическую для каждого языка «картину

мира», определяемую их внутренней формой; и, в-третьих, вплетение культурно-значимой информации в план содержания фразеологизмов и, соответственно, обретения ими роли знаков языка культуры могут быть выявлены в лингвокультурологическом анализе на достаточно представительных массивах идеографических полей, так как, по мнению В.Н. Телии, «культурно-национальная специфика ФЕ может быть обнаружена не на единичных примерах, а на массивах данных» [6, с.258].

Направление классификации определяется «снизу вверх» - от значения к их полевой принадлежности: дескриптор - родовой дескриптор - имя поля, так как идиомы в идеале представляют «знаки со структурой микротекста, где номинативной интенции соответствует не обозначение мира как «конечная цель» номинативного процесса, но, как во всяком тексте, включение эмоционально-оценочного отношения субъекта к обозначаемому»; «в идиомах, - по выражению В.Н. Телии, - само объективное содержание – только киль парусника, а образное содержание – наполняемые ветром эмоции паруса, поставленные на мачтах ценностной ориентации» [6, с.157-158].

Идеографическое описание языка имеет свою традицию. Первые словари подобного типа появились в XVI веке. Особенность таких словарей состоит в том, что в них рассматриваются или только слова, или только фразеологизмы. При этом устойчивым оборотам уделялось меньшее внимание: их идеографическое описание началось совсем недавно. Тем не менее, в отечественной и зарубежной лексикографической практике активно обсуждается проблема создания тематико-идеографических словарей фразеологизмов, предложены первые опыты их создания. К таковым относятся, например, фразеологический идеографический словарь (на материале белорусского, польского и русского языков) А.С. Аксамитова [21], «Словарь-справочник русской фразеологии» Р.И. Яранцева, «Учебный тематический русско-татарский фразеологический словарь» Л.К. Байрамовой, Словарь фразеологизмов польского языка Т. Игликовской и Х. Курковской, сделаны первые шаги по созданию «Болгарско-русского тематического словаря фразеологизмов» С. Георгиевым [22]. Имеются и другие опыты создания идеографических словарей, например коллектива авторов Уральского государственного университета им. А.М. Горького под руководством проф. Л.Г. Бабенко «Толковый идеографический словарь русских глаголов. С указанием английских эквивалентов» [23], где также представлены как фразеологизмы-идиомы, так и фразеосочетания, находящиеся в стадии закрепления семантических связей в синтагматическом их употреблении в современном русском языке.

Помимо составления идеографических словарей в синхроническом аспекте также предпринимались и более активно предпринимаются попытки вовлечения идеографического инструментария описания фразеологии и в диахроническом плане (Л.В. Щерба, на современном этапе - В.М. Мокиенко, Л.Е. Кругликова).

По мнению Л.В. Щербы, словари идеографического типа (он их назвал идеологическими) «в конце концов, должны дать материал для построения истории мышления, отраженного в языке» [24, с.295]. Исследователь полагает, что тогда-то и вскроются многие причины языковых изменений, которые для нас сейчас совсем не видны: «на базе хороших этимологических и исторических словарей можно будет тогда написать новые захватывающие книги, которые будут рассказывать, почему то или другое понятие получало новую форму выражения, как рождались новые понятия и как разлагались старые» [24, с.295].

Иными словами, Л.В. Щерба в свое время уже обратил внимание на необходимость создания идеографического словаря (а мы добавим, - или изучения языковых фактов любого уровня с позиций идеографии на диахроническом материале), который должен быть в то же время и историческим. Тем самым ещё в 40-е годы был в какой-то степени намечен тип исторического идеографического словаря, подготовка к составлению которого, на наш взгляд, должна вестись в пределах отдельных диахронических исследований на конкретном языковом материале, каковым является и фразеологический фонд русского языка в ретроспективе. И диахроническая русистика уже начала подобную работу. Так, в наши дни В.М. Мокиенко подчеркивает тесную связь идеографии с историко-этимологическим подходом во фразеологии, отмечая, что это «органически связанные проблемы уже потому, что семантика составляет и функциональную сущность ФЕ как особых элементов языка, и искомое лингвистического анализа данных единиц» [25, с.3], а «семантические модели, выявляемые в процессе идеографического распределения языковых единиц, служат довольно надёжным критерием проверки многих этимологий» [25, с.4].

Л.Е. Кругликова также указывает на необходимость создания исторического идеографического словаря русского литературного языка. Ученый считает, что достижения лексикологии и лексикографии на данном этапе позволяют поставить задачу создания исторического идеографического словаря, который бы отражал процесс развития русского литературного языка с древности до наших дней. Начальным же этапом на этом пути должна стать работа по описанию в историческом аспекте отдельных лексико-фразеологических групп и создание на этой основе словарей [26, с.207].

Таким образом, начав с тематических словарей, пройдя через этап «алфавитных», лексикография и фразеография возвращается к созданию словарей идеографического типа.

Рассматривая вопрос о классификации ФЕ, мы, тем самым, обращаемся еще к одной комплексной единице описания объекта – *полю*. Идея поля, на наш взгляд, приемлема для нашей классификации языковых знаков в виде фразеологизмов, так как, по замечаниям В.Н. Телии, вспышки этой идеи в лингвистике всегда связаны с обращением к проблеме соотношения мира и его языковой картины (или образа). Об этом говорит факт неоднократного обращения ученых к данной проблеме.

Вообще, изначально понятие поля в лингвистике связывалось с содержательной стороной языка и трактовалось как семантическое поле. Семантическое поле прошло путь от трировских концептуальных полей до современных полей разного типа. Известно, что впервые идея поля была высказана Ипсеном в 1924 году. Затем это понятие было использовано в работах немецких ученых Й. Трира, В. Порцига, Л. Вайсгербера и некоторых других. Из русских лингвистов, занимающихся теорией поля, следует, прежде всего, назвать Ф.П. Филина [27] и В.И. Кодухова, хотя на необходимость системного подхода при семасиологических исследованиях указывал ещё М.М. Покровский. В казахстанской лингвистике проблемой полевых исследований успешно занимается З.К. Ахметжанова [28] и ее ученики.

Под семантическим полем мы будем понимать «иерархическую структуру множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу» [29, с.458]. Однако в современных лингвистических теориях имеется значительное количество полевых исследований для классификации единиц различных уровней языка, а не только лексического: в функциональной грамматике - А.В. Бондарко (понятие функционально-семантического поля); в функциональном синтаксисе - Г.А. Золотовой (понятие синтаксического поля предложения как системы его многообразных модификаций); понятие поля используется и в науке о языке художественной литературы – текстовое семантическое поле у Л.А. Новикова; в лексикографии – идеографическое поле у В.В. Морковкина; в лингвокультурологии – лингвокультурологическое поле у В.В. Воробьева. Во фразеологии в последнее время также вводится понятие «фразеосемантического поля» (А.К. Бирих, Т.В. Шевякова, Л.М. Рязановский, Т.А. Бердникова), под которым понимается «совокупность ФЕ, объединенных общим семантическим признаком» [30, с.14]. Наиболее серьезное исследование семантического поля как категории принадлежит Ю.Н. Караулову, предложенное в его фундаментальной монографии «Общая и русская идеография» [31]. Главное достоинство этого исследования – увязывание понятия поля с более широким понятием картины мира, которое можно осуществить в лексикографической практике.

В случае рассмотрения фразеологического фонда Средневековья закономерно говорить о фразеосемантическом поле (далее ФСП), представляющем объединение на основе общего семантического признака множества единиц более сложного, аналитического по форме языкового материала, в виде фразеологизма. Этот материал дает основания рассматривать его, в свою очередь, как объединение данных единиц по понятийным сферам, в пределах которых протекала внеязыковая (объективная) жизнь носителей языка конкретной эпохи. Подобные объединения и составляют так называемое идеографическое поле (далее ИП). Иначе говоря, фразеосемантическое поле мы определяем как иерархически организованную структуру множества фразеологических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением (иными словами – это то же семантическое поле, но только во фразеологии).